

JEL classification: B15, B41, D02

УДК 330.341:31

DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(3).481-507

Ю.Ю. Казанцев

*Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

Н.Н. Заикин

*Сибирский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Новосибирск, Российская Федерация*

Социокультурные факторы экономического развития: проблемы истории и теории

Аннотация. В статье предпринята попытка ответить на вопрос: «как культура проявляет себя в экономике?». Для этой цели проведен анализ подходов различных направлений экономической теории к оценке роли социокультурных факторов в экономическом развитии. Обращение к научным первоисточникам позволило подметить на первый взгляд малозначимые примеры проявления культурного фактора в экономике в работах российских и зарубежных авторов, обладающие при этом важным концептуальным значением для исследования обозначенной проблемы. В работе предложено рассматривать изучение места и роли культуры в экономике как поэтапный процесс: от описания примеров проявления культуры в экономическом пространстве у исторической школы к концептуальной модели культурного фактора в социокультурной экономике. Посредством обращения к текстам представителей немецкой исторической школы, экономистов институционального направления и исследователей школы социокультурной экономики предпринята попытка представить закономерности функционирования культуры в виде вербальных

формул или тезисов: о значимости культурного фактора в экономике, о долговечности и воспроизводственном характере культуры, о культуре как фрейме, через который принимаются экономические решения и др. В заключении статьи сделан вывод о необходимости учета социокультурных факторов при реализации оперативной, тактической и стратегической экономической политики государства.

Ключевые слова. Социокультурные факторы, институциональная экономика, историческая школа, социокультурная экономика.

Информация о статье. Дата поступления 15 августа 2022 г.; дата принятия к печати 7 октября 2022 г.; дата онлайн-размещения 20 октября 2022 г.

Yu.Yu. Kazantsev

*Siberian Institute of Management – Branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Novosibirsk, the Russian Federation*

N. N. Zaikin

*Siberian Institute of Management – Branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Novosibirsk, the Russian Federation*

Sociocultural Factors in Economic Development: Problems of History and Theory

Abstract. The article is an attempt to answer the question: “How does culture manifest itself in the economy?” For this purpose, the authors analyzed approaches of various schools of economic theory in regard to the assessment of the role of sociocultural factors in the economic development. Reference to scientific primary sources allowed the authors to point out seemingly insignificant examples of manifestation of the cultural factor in the economy in the works of Russian and foreign authors, which, at the same time, possess important conceptual meaning for the study of the problem in question. The paper proposes to consider the study of

the place and role of culture in the economy as a step-by-step process: from the description of examples of the manifestation of culture in the economic space of the historical school to the conceptual model of the cultural factor in the sociocultural economy. Using the works of representatives of German Historical School, of institutional economists and researchers of sociocultural economics school, the authors try to present the regularities of culture functioning in the form of verbal formulae or synopses, for example about the significance of cultural factor in the economy, about the durability and reproductive nature of the culture, about culture as a frame through which economic decisions are made, etc. At the end of the article, the authors make a conclusion that it is necessary to take into account sociocultural factors in the implementation of the operational, tactical and strategic economic policy of the state.

Keywords. Sociocultural factors, institutional economics, historical school of economics, sociocultural economy.

Article info. Received August 15, 2022; accepted October 7, 2022; available online October 20, 2022.

Социокультурные факторы в настоящее время перестали быть неким чужеродным объектом в экономическом анализе. Исследователи приходят к выводу, что культура как совокупность норм и правил поведения в обществе, форматов взаимоотношений между людьми и установок относительно перспектив таких взаимоотношений может значительно влиять на экономический результат страны и ее отдельно взятых регионов [1]. Новые теоретические и эмпирические модели экономического роста, занятости, доходов уже учитывают социокультурные факторы в том или ином виде как драйвер развития и источник форм эффективной социальной организации хозяйства. Изучение примеров успешных модернизаций экономик, реализованных странами Азии в прошлом веке (Южная Корея, Япония, Сингапур и др.) [2; 3], подтверждает

актуальность социокультурной повестки в современном экономическом дискурсе.

Учет культурного контекста при построении модели экономики и политики открывает огромные возможности для создания работающих институтов, стимулирования нужных форм хозяйственной организации (например, коллективных или индивидуалистских в зависимости от страны), увеличения результативности уже используемых инструментов. Однако для работы с концептуальными инструментами экономики, опирающимися на культуру, необходимо четкое понимание того как культура влияет на экономику. Этого нельзя добиться без описания истории изучения культурного фактора в экономическом анализе.

Если говорить о некоторой последовательности изучения культуры в экономике, то в самом общем виде можно выделить три этапа: 1) анализ роли культуры в экономике исторической школой; 2) исследования культуры в рамках институционального направления и 3) концептуализация модели культуры в социокультурной экономике.

Историческая школа Германии на всех трех этапах (старая, новая (юная), новейшая школы) сосредоточилась на изучении национальных особенностей экономики, поэтому описание теоретической базы социокультурных исследований в экономической науке неизбежно возвращается к изысканиям знаковых немецких профессоров. Это подтверждает и В.С. Автономов, отмечая, что, именно представители исторической школы, предприняли попытку указать на иные, отличные от стремления к богатству, факторы экономического успеха [4, с. 5].

Современному исследователю по прошествии более чем века с момента публикации таких работ как «Политическая экономия с точки зрения исторического метода» или «Протестантская этика и дух капитализма» некоторые тезисы представляются под-

крепленными аргументацией в некоторой степени шаткой с научной точки зрения, поскольку во многом представляют собой прежде всего социальную философию, и лишь затем прикладную экономическую теорию, аргументированную эмпирическими данными хозяйственных явлений наравне с предположениями, в конце XIX — начале XX вв. еще только требующими доказательств.

Национальная экономическая теория в Германии возникла раньше национальной экономической школы, однако следует держать в фокусе внимания генезис единого национального социально-экономического пространства Германии: все-таки формально страна объединилась только в 1871 г., несмотря на то, что в эпоху промышленного капитализма разрозненные германские государства вступили в первой трети XIX в.

С выходом в 1841 г. «Национальной системы политической экономии» (*Das nationale System der politischen Ökonomie*) Фридриха Листа (Daniel Friedrich List, 1789–1846) появилась научная теория, отрицающая универсальные экономические законы. Великобритания доминировала в науке политической экономии, и даже полемика с представителями континентальной Европы лишь усиливала позиции шотландской, а затем и английской экономической теории. Работу Фридриха Листа допустимо считать формой ответа на верховенство англосаксов как в экономической науке, так и в экономической практике, вылившейся в беспрецедентный рост промышленного производства, мировой торговли, научно-технического прогресса, улучшения качества жизни. Собственно, в одном абзаце Ф. Лист описал путь, которым Великобритания достигла мирового экономического господства: «История учит нас, наконец, тому, как народы, наделенные от природы всеми средствами, необходимыми для достижения высшей степени богатства и могущества, не вступая в противоречие со своими устремлениями,

могут и должны изменять свои системы по мере своего развития, поднимаясь от варварства к свободе, торговать с более развитыми нациями и поднять свое земледелие, затем ограничениями способствовать росту их мануфактур, рыболовства, судоходства и внешней торговли и, наконец, достичь высшей ступени богатства и могущества путем постепенного возвращения к принципам свободной торговли и свободной конкуренции как на собственном, так и на внешнем рынках, защищают своих фермеров, фабрикантов и торговцев от праздности и побуждают их сохранять завоеванное превосходство. На первом уровне мы видим Испанию, Португалию и Неаполь, на втором – Германию и Северную Америку; Франция кажется нам близкой к пределам последней стадии, который на данный момент достигнут только Великобританией» [5, s. 180].

Совершая экскурс в экономическую историю разных наций, Лист отдавал должное экономической политике больше, чем социально-культурным факторам. Он высоко оценил роль международной торговли в развитии стран европейского мира, затем доказал своевременность и эффективность протекционистских мер, направленных сначала на развитие аграрного сектора, а затем, когда время пришло, и промышленного; данный алгоритм присутствует в описании истории экономики ведущих стран: Англии, Германии, Испании, Португалии, России, Франции.

Лист рассматривал деятельность государств (правителей), но постоянно возвращался к идее национальных экономик; в указанной работе прослеживаются попытки представить нацию как единый экономический организм, где государственные реформы способствуют раскрытию потенциала либо тормозят прогресс, объективно предопределенный.

Следует признать, что Ф. Лист в основном сосредоточился на государственных актах, правовых положениях, экономической статистике и в целом на ка-

тегориях конкретных и материальных. С этой точки зрения следует относить его скорее к предшественникам институционализма, чем исторической школы в экономической науке. Вместе с тем, Лист активно продвигал идею национального экономического могущества, и вопрос национального самосознания игнорировать не мог. Описывая исторический путь экономической системы Англии, он признавал некоторые особенные черты, свойственные нации, вероятно, не космополитичные: «Верно, что огромная производительная сила, огромное богатство Англии являются результатом не только физической силы нации и алчности отдельных лиц; исконное чувство свободы и справедливости, энергия, религиозность и нравственность народа имеют в этом свою долю; конституция страны, учреждения, мудрость и энергия правительства и аристократии — все имеет свою долю; географическое положение, судьба страны, даже сама удача играют свою роль» [5, s. 95].

Таким образом, немецкий экономист Ф. Лист заложил основы национальной политической экономии, не раскрывая по сути национальных особенностей, традиций, социокультурных факторов, но признавая их неотъемлемое право влиять на ход экономических реформ. То, что с 1899 г. принято называть «институтами» в указанной работе присутствует как само собой разумеющееся, но не определенное, не поддающееся анализу.

Густав фон Шмоллер (Gustav von Schmoller, 1838–1917), основатель «новой» исторической школы в экономике, определил родоначальником исторического направления Вильгельма Рошера (Georg Friedrich Wilhelm Roscher, 1817–1894). Сочинение последнего «Система народного хозяйства» (System der Volkswirtschaft, в пяти томах, 1-й том вышел в 1854 г., 5-й в 1894 г.) можно назвать прогрессивным в сравнении с сочинением Ф. Листа.

Рошер в некоторой степени установил стандарты научного подхода к исследованиям социально-экономической природы человека. Следует учесть, что указанный труд автора (как и другие) не отличается гомогенностью: в некоторых аспектах он представляет собой совокупность фактов, не поддающихся классификации и научному анализу, но способных объяснить некоторые особенности хозяйственной (и бытовой!) жизни народов, те особенности, которые невозможно раскрыть, изучая одну лишь экономическую статистику: «Простой человек из наших пьет водку каждый день; в Великороссии редко, но в величайшем излишестве. Хорошо известная особенность феодальных замков, состоящая в том, что, кроме одного огромного зала, в них обычно имелись очень маленькие и неудобные помещения для повседневной жизни, объясняется отчасти большим значением для них праздничных мероприятий, отчасти же близостью совместной жизни, которую вели в них, в которой господин и слуги составляли одну семью. Нет ничего более ошибочного, чем вообще приписывать большую умеренность людям, находящимся на низкой ступени цивилизации. Их простота является следствием их невежества, а не их самоконтроля. После того как кочевые народы однажды вкусят чашу более тонкого наслаждения, обычно они начинают стремиться к гибели» [6, s. 462].

Но не одними яркими примерами наполнил В. Рошер свою «Систему народного хозяйства»; прежде всего, большинство теоретических обобщений подкреплены массивом числовых данных и только во вторую очередь проиллюстрированы картинками хозяйственной жизни. Тем не менее, вопреки мнению Г. фон Шмоллера, В. Рошер не был первым немецким экономистом, прибегнувшим к характерному субъективизму в описании историко-экономической хронологии; и говоря о хронологии, современник В. Рошера

Карл Книс (Karl Gustav Adolf Knies, 1821–1898) хронологически опередил своего коллегу.

Книс в своем фундаментальном труде «Политическая экономия с точки зрения исторического метода» (*Die politische Ökonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode*, 1853) убежденно доказывал невозможность существования универсальных экономических моделей и действий поскольку экономика страны (или национальная экономика) — это сложная совокупность домохозяйств и отдельных индивидов, различающихся на всех уровнях, даже внутри своей профессиональной группы. Оспаривая универсальные законы социально-экономического развития общества, Книс писал: «То, как реальные представители исторических народов ставятся в ряд как экономические силы, так ясно как ничто другое показывает ошибочность построения политической экономии, полагая народы суммами индивидуумов, неотличимых друг от друга. Обычно мы проводим такие различия только между отдельными людьми и слишком мало приписываем их национальным особенностям и племенным различиям, даже там, где они заметно дают о себе знать. Так существенно различается физическая сила и выносливость представителей различных европейских народов. Тем не менее время от времени марширующие по военным дорогам люди производят также общее впечатление о физических различиях отдельных наций. Но они непременно должны самореализовываться за плугом, в мастерской, в мореплавании не меньше, чем одетыми в гимнастерки» [7, s.73].

В целом К. Книс придерживался того же мнения, что и Ф. Лист: различия между европейскими, азиатскими, африканскими, американскими народами чрезвычайно велики; европейское экономическое общество внутренне неоднородно и противоречиво, и на различных стадиях исторического развития эти противоречия проступают с особенной резкостью: «Мы не

можем объяснить национальные особенности народов одним лишь состоянием почвы, на которой они расселены, и климата, в котором они живут, как бы велико ни было влияние почвы и климата на национальный характер. Если бы было верно обратное, то, конечно, действие различия национальных характеров оставалось бы тем же при рассмотрении экономических условий, оно было бы только следствием иной, чем нам кажется, причины; в таком случае оно было бы приписано такой обстановке и климату в стране, где северянин должен потреблять больше пищи. Очевидно, однако, что после учета реальных влияний, которые почва и климат оказывают на характер и историю жителей страны, не остается равных величин. При очень сходных почвенных и климатических условиях национальные характеры народов сохраняются в неизменном своеобразии; национальный характер человека остается узнаваемым даже после смены территории и климата; он не превращается в особенности того, что было узнаваемо в людях, прежде населявших ту же землю; как он проявляется во времена переселения людей на новую территорию, под иное солнце, так он признается и спустя много столетий. Если национальный характер германцев и римлян столь же очевиден в Америке, как и в Европе, то не только мы признаем наших предков в старых обитателях Германии на родине и не отрицаем родства по крови» [7, с. 69–70].

Упомянутый выше Г. фон Шмоллер значительно продвинулся в деле доказательного использования исторического подхода в общественно-экономических исследованиях и теоретических построениях в науке об эффективной хозяйственной деятельности. Обоснованная критика доминировавшего в политэкономии метода научной абстракции спровоцировала его на участие в так называемом «Споре о методах» (Methodenstreit), где оппонентом выступил основатель австрийской школы Карл Менгер (Carl Menger,

1840–1921). Скептически относясь к универсальному методу экономических наук, Шмоллер проводил аналогию с геометрией, по законам которой, по его мнению, англосаксонская школа предлагала жить мировому сообществу. Густав фон Шмоллер высоко оценивал роль психологии и социологии, на тот момент только зарождающихся наук. В работе «Экономика, экономическая наука и ее метод» (Die Volkswirtschaft, die Volkswirtschaftslehre und ihre Methode, 1893) содержится буквально следующее: «...нужно поставить стяжательный инстинкт рядом с другими инстинктами и обсудить природу низших и высших инстинктов вообще; нужно определить место чистой инстинктивной жизни в системе психологической причинности, показать, как все инстинкты подчиняются власти интеллекта и высших чувств. Нужно установить отношение инстинктов к добродетелям и особенно к добродетелям экономическим. Ответить на эти вопросы можно только тогда, когда уяснится природа нравственности и ее норм, обычая и права. А для этого опять-таки необходимо выявить психологические процессы в обществе, возникновение единогодушных чувств, идей и принятых действий в определенных кругах, влияние языка, письма и других психофизических средств, посредством которых возникают духовные коллективные силы. Изучение этих коллективных сил приводит затем к пониманию социальных коллективных явлений: социальные и государственные учреждения возникают из согласия чувств, влечений, мнений и стремлений внутри отдельных рас, народов, классов, членов сообщества. Таким образом, мы приходим к определенному ряду сначала простых индивидуальных, затем сложных психолого-этических причин, объясняющих все общественные явления, столь же решающих как в экономической жизни, так и в правовой, политической, церковной, общественной жизни» [8, с. 53–54].

Научный соратник Густава фон Шмоллера Карл Бюхер (Karl Wilhelm Bücher, 1847–1930) продолжил традицию изучения экономических явлений в ключе пристального наблюдения за социально-культурной сферой жизни общества, многократно доказывая диалектику экономической и общественной жизни: хозяйственная основа развития народов диктует культурные различия, которые, в свою очередь, сдерживают или катализируют соответствующие времени экономические процессы; эта идея, среди многих других, содержится в его труде «Происхождение народного хозяйства» (Die Entstehung der Volkswirtschaft, 1893). Как стало принято в исторической школе, большое значение отведено генезису тех или иных аспектов хозяйственного развития: «Ремесло — специфическое городское явление. Народы, как среди прочих и русские, не выработавшие, настоящего городского уклада, не знают и национальных ремесел. Однако это также означает, что ремесла должны были прийти в упадок с развитием более крупных централизованных государств и единых транспортных систем. В XVII и XVIII вв. образовалась новая хозяйственная система, не основанная более на местном, но на национальном и международном рынке. Для названия одного и того же явления наши предки пользовались двумя терминами — мануфактуры и фабрики, не делая различия между этими двумя понятиями. При ближайшем рассмотрении оказывается, что на самом деле это две разные производственные системы. Одну из них с тех пор называют вводящим в заблуждение термином “домашнее производство” (так и станем ее называть); другая — наша фабрика. Обе системы ставили перед собой задачу снабдить промышленной продукцией широкий рынок; обе требуют большего количества рабочих; различаются они только тем, как решают эту задачу и организуют рабочих» [9, s. 104–105].

Бюхер, впрочем, как и все «историки», привлек значительный эмпирический материал, так что его работы можно считать посвященными скорее экономической истории, чем экономической теории. Следует признать, что «старая» и «новая (молодая)» историческая школы отлично дополняли классическую политэкономия, раз за разом невольно доказывая, что допустимо считать одни культурные характеристики способствующими экономическому росту, а другие — препятствующими. Эта по сути экономическая идеология ушла на экспорт, в частности в Российскую империю, где быстро приобрела как сторонников, так и противников.

Экономический национализм, как видим, поставил под сомнение эффективность применения универсальных путей реформирования народного хозяйства; данная дискуссия органично продолжилась в России. Так И.Х. Озеров в своей работе описал те факты функционирования культуры, к которым пришли современные исследователи в области социокультурной и институциональной экономики: «Да, мы думали — возьмем из Европы тамошнюю пышную промышленную флору, перевезем к нам, посадим ее, и все будет хорошо. Посадили, а она плохо растет: колеса у машин не вертятся, домны не горят; раздувают их, колеса смазывают, дают субсидии на это, дорого это стоит, но не идет заморская штука — и остановил ее хитрый мужик, и остановил, не выходя из своей избушки, остановил эти громоздкие фабрики с десятками тысяч рабочих. Не наши вьюги остановили колеса и машины, не осенние дожди залили домны, нет, малая емкость нашего внутреннего рынка: фабрики выбрасывали все больше и больше продуктов, но рынок не вмещал их, и их колеса запутались в этих тюках выработанных продуктов... Когда погасли у нас домны, вместе с ними погасли у нас и некоторые учения, которым общество следовало, когда ежегодно по

несколько сот тысяч мужичьих голов бросали у нас в фабричные котлы; и некоторые тогда радовались: “то-то, говорили, выварят их, другая картина будет”, но котлы погасли, а мужики так и остались мужиками, не успев перевариться в остывающих котлах, и на домнах они не пережарились, — стоят эти домны у нас снегом окутанные, только волки воют кругом» [10, с. 142–143].

Первый из описанных фактов — это так называемый трансферт институтов: ученые доказывают, что нельзя заимствовать институты без серьезной подстройки под национальные особенности страны, в противном случае как, в приведенном примере, они просто не будут работать. Второй аспект, отмечаемый И.Х. Озеровым — это изменение культуры. Ученые, проводящие изыскания в области социокультурных исследований, приходят к выводу, что изменение культуры возможно, но происходит оно крайне долго даже при условии вмешательства со стороны государства [4, с. 8].

Но вернемся к первоосновам — к исторической школе в Германии.

По-настоящему убежденными апологетами социокультурных факторов в экономике, пожалуй, следует считать Макса Вебера (Maximilian Carl Emil Weber, 1864–1920) и Вернера Зомбарта (Werner Sombart, 1863–1941), завершивших деятельность исторической школы Германии в ее «новейшей» форме, но открывших одну из самых дискуссионных тем в экономической истории XX в. — проблему генезиса капитализма (впрочем, выводы указанных авторов нельзя назвать безупречными и непротиворечивыми).

Кроме знаковой «Протестантской этики и духа капитализма» (Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus, 1905) Вебер выпустил ряд работ, посвященных восточным системам хозяйствования, обобщив затем свои идеи в фундаментальном труде «Хозяйство и общество» (Wirtschaft und Gesellschaft,

1921–1922, посмертно). В. Зомбарт, опираясь на традиционную методологию исторической школы, пришел к выводам, в некоторой степени схожим с теорией М. Вебера. Заслуживает внимания принципиальная разница в методическом подходе указанных ученых. Макс Вебер стартовал в русле традиционной исторической школы, но затем фактически отрекся от нее, вернув науке принцип объективности, выраженный, в его трактовке, в так называемом «методологическом индивидуализме» (*Methodologischer Individualismus*): не общество склонно к воспроизводству определенных форм поведения (например, в хозяйственной деятельности), но отдельная личность мотивирована к тем или иным поступкам; в таком случае допустимо говорить, что Вебер признал подлинность «человека экономического» (*Homo oeconomicus*) Дж. С. Милля (John Stuart Mill, 1806–1873), описанного в общих чертах еще А. Смитом (Adam Smith, 1723–1790).

Вебер определил ключевую категорию в протестантском образе делового мышления, опираясь на лютеранскую концепцию профессионального призвания (используемый им термин «*Beruf*» с немецкого переводится буквально как «профессия», но, по убеждению М. Вебера, обладает существенным значением для религиозного человека XVI в. (далее в тексте термин «*Beruf*» приводится без перевода во избежание его смешения с бытовым значением слов «профессия», «занятость», «работа» и прочими): «И точно так же, как и значение слова — это надо знать в целом — новая идея и продукт Реформации. Не то чтобы определенные подходы к той оценке повседневного мирского труда, которая присутствует в этом профессиональном понятии, не существовали уже в средние века, да еще в (позднеэллинистической) античности; об этом мы поговорим позже. Во всяком случае, одно было абсолютно новым: оценка выполнения своих обязанностей в рамках мирских профессий как высшего со-

держания, которое когда-либо могло принять нравственное самоосуществление. Именно это имело неизбежные последствия представления о религиозном значении повседневной светской работы и впервые породило понятие занятости в этом смысле. Таким образом, термин “Beruf” выражает ту центральную догму всех протестантских исповеданий, которая отвергает католическое разделение христианских заповедей как нравственного свода правил на “*praescepta*” и “*consilia*” («Заповеди» и «Советы», лат. — Ю.К., Н.З.) и, как единственное средство жить богоугодной жизнью, не победа над мирской нравственностью через монашеский подвиг, а исключительно исполнение внутримирских обязанностей, так как они вытекают из жизненной позиции человека, которая тем самым становится его “Beruf”» [11, s. 41].

В 1911 г. Зомбартом выпущена книга «Евреи и хозяйственная жизнь» (*Die Juden und das Wirtschaftsleben*), а затем следующая значительная работа в области экономической истории «Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека» (*Der Bourgeois. Zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen*, 1913). Детально воспроизводя историю еврейского делового мира в Европе, Зомбарт пришел к выводу, что фактически евреи создавали новые и новые каноны эффективной хозяйственной деятельности — бизнеса, как сказали бы мы сейчас. Естественно, производились попытки раскрыть специфические культурные черты национального делового оборота: «Так что же было конкретно еврейским? И можно ли вообще предполагать особую еврейскую черту в отношении к существующим порядкам? Я считаю — да, и я считаю, что это специфически еврейское “нарушение закона” выражается прежде всего в том, что нарушения иудеями закона и обычая вовсе не случай безнравственности одного-единственного конкретного грешника, а что эти

нарушения — результат общей деловой этики, применимой евреями, что они отражают деловую практику, одобренную всеми еврейскими дельцами. Из общего и постоянного применения некоторых обычаев мы должны сделать вывод, что евреи не считали это беспорядочным. Поведение вообще считалось аморальным и, следовательно, считалось незаконным, но они осознавали, что своими действиями представляют правильную мораль, “правильный закон” против бессмысленного правового и морального порядка. Конечно, это не относится к тем случаям, в которых оно речь идет о караемых смертной казнью преступлениях против собственности вообще» [12, s. 153].

Однако В. Зомбарт признавал, что еврейские дельцы не были замкнутой этнической группой, генерирующей прибыль исключительно в своем кругу и ради только собственных интересов. Скорее, он описывает капитализм по-еврейски как локомотив европейского капитализма вообще [там же, s. 116]. Обобщив значительный материал юридического характера, Зомбарт сформулировал черты национального еврейского характера ведения деловых операций в позитивном ключе: «Но что принципиально нового во взгляде на то, что мы узнали как специфически еврейское? Мы можем резюмировать это одним содержательным словом: это “современный” дух, поскольку он пронизывает экономические субъекты сегодня. Ясно, что (кроме криминальных манипуляций, о которых в принципе не может быть и речи) в нем нет ничего такого, что современный бизнесмен не считал бы правильным, что не было хлебом насущным для каждого современного руководства компании. То, что еврей представлял на протяжении столетий по отношению к господствующим воззрениям, есть принципиально индивидуалистический взгляд на экономику: что сфера действия отдельного экономического субъекта никоим образом не ограничена

никаким объективным законом, ни в отношении величины сбыта, ни в отношении классификации профессий; что каждый экономический субъект должен постоянно отвоевывать свои позиции и защищать их от посягательств; но что он также имеет право расширяться за счет других настолько, насколько это в его силах; что средства борьбы лежат по существу в сфере духовной, и это есть хитрость, ловкачество, изворотливость; что в экономической конкуренции не должны учитываться иные соображения, кроме предусмотренных уголовным кодексом; что все экономические процессы должны проектироваться индивидуумом как можно целесообразнее по своему усмотрению. Как видите, то, что победоносно заявило о себе, есть не что иное, как идеи «свободной торговли», «свободной конкуренции», есть экономический рационализм, есть чистый капиталистический дух, есть как раз современная экономическая установка, в своем развитии евреи поэтому играли большую, если не решающую, роль, ибо именно они вынесли эти взгляды извне в иной круг идей» [12, s. 179–180].

Итак, подведем некоторый промежуточный итог изысканий исторической школы относительно культурного фактора в экономике, представив их в виде тезисов:

1. Культура имеет значение среди прочих факторов экономического успеха (Ф. Лист).

2. Народы различаются культурой с точки зрения их повседневного поведения и устройства пространства вокруг (В. Рошер).

3. Менталитет и культура поведения есть неотъемлемая часть личности, остающаяся с ним даже при смене страны жительства (К. Книс).

4. Природа нравственности и ее норм, обычая и права опирается на единодушные чувства, идеи и принятые действия в определенных кругах, язык и другие психофизические средства, которые влияют в

конечном итоге на то, как эти нормы будут работать по факту (Г. фон Шмоллер).

5. Хозяйственная основа развития народов диктует культурные различия, которые, в свою очередь, сдерживают или катализируют соответствующие времени экономические процессы (К. Бюхер).

6. Индивидуализм и рационализм суть основы западного капитализма (М. Вебер и В. Зомбарт).

Отдельно отметим вывод И.Х. Озерова, который не являлся сторонником исторической школы, однако его изыскания находятся в логике именно данного направления: культура меняется очень долго, если процесс не завершить до конца, то все культурные изменения пропадут. А.А. Аузан называет этот эффект «эффектом колеи».

Теперь рассмотрим концепции культуры в институциональном направлении экономической науки. Логично приступить к анализу с представителей старого или традиционного институционализма, ярким представителем которого является Торстейн Веблен (Thorstein Bunde Veblen, 1857–1929). Веблен считается родоначальником институционального направления в экономической теории, несмотря на то, что, как следует из вышеизложенного, в вопросах экономического роста наравне с проблемами социально-культурных черт того или иного народа неоднократно им рассматривались и проблемы общественных институтов у этих народов укоренившихся. Наиболее цитируемая работа Веблена «Теория праздного класса» (The Theory of the Leisure Class, 1899) — это фактически продолжение традиций исторической школы Германии, но на другом континенте; впрочем, объектом наблюдения осталась уже неоднократно исследованная социальная группа — аристократы, произошедшие очевидно из военных сословий древности и Средневековья.

Тяготение к универсализации законов развития человеческого сообщества вне зависимости от об-

стоятельств его происхождения и развития — черта, резко контрастирующая с научными трудами немецкой исторической школы. Безусловно, Веблен не был продолжателем традиции доказывать историчность и незыблемость национальных особенностей в общественной и хозяйственной жизни, наоборот, он вывел объективные закономерности в развитии любой человеческой группы, т.е. развивал методiku изучения общества и воздействия на него при помощи универсальных законов и способов. При этом он не полемизировал и даже поддержал идею стадийного развития человечества (на рубеже XIX–XX вв. эта концепция захватила умы многих выдающихся мыслителей), ожидаемо обратившись к психологии человеческих взаимоотношений: «На любой известной культурной стадии, отличной или более поздней, чем предполагаемая начальная фаза, о которой здесь говорится, дар добродушия, справедливости и неразборчивой симпатии не способствуют заметному улучшению жизни индивидуума. Обладание этими качествами может служить защитой индивидуума от жестокого обращения со стороны большинства, которое настаивает на том, чтобы в идеале обычный человек состоял хотя бы немного из этих компонентов; но, не считая их косвенного и вследствие вышесказанного отрицательного воздействия, в состоянии конкуренции индивидууму живется тем лучше, чем менее он такими чертами одарен. Можно сказать, что свобода от угрызений совести, сочувствия, честности и уважения к жизни значительно способствует успеху личности в культуре, ориентированной на материальные ценности. Наиболее успешные люди всех времен обычно принадлежали к этому типу; за исключением тех, чей успех не измерялся ни богатством, ни властью» [13, p. 223].

Достаточно точно Т. Веблен определил черты западной культуры с точки зрения взаимодействия индивидов в экономическом пространстве. В то же время

им подмечены две группы ценностей или неформальных институтов, вступающих в конфликт в рамках одного культурного поля. Это достаточно интересное замечание, показывающее, что при существовании двух систем ценностей (показной и реальной), индивид может напоказ быть привержен одной, а по факту жить по другой системе, будучи не осуждаем обществом как регулятором отношений.

Институциональная теория далее развивалась в разных направлениях, однако в вопросе влияния культуры на экономику наиболее значимым концептом, предложенным новой институциональной экономической теорией, явилась теория неформальных институтов. Согласно Д. Норту можно рассмотреть такие институты как «неформальные ограничения такие, как общепринятые условности и кодексы поведения» [14]. Эти правила часто влияют на реальное поведение и действия индивидов сильнее, чем формальные правила, кроме того они могут сохранять свою устойчивость в течение длительного периода: «Хотя формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических решений, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям» [там же].

По словам А.А. Аузана и Е.Н. Никишиной отличие формального от неформального института лежит именно в плоскости инструмента принуждения: «неформальным является институт, когда любой индивид, полагающий, что рассматриваемое правило должно выполняться, вас к этому принуждает» [15, с. 50]. В этом отличие последнего от формального института, где принуждение осуществляет уполномоченное государством лицо. При этом опорой «принуждающего» к действию индивида является система ценностей и поведенческих установок, принятых в обществе [там же].

Хотелось бы особо отметить изыскания В.Л. Тамбовцева, который написал большую работу, посвященную неформальным институтам. В своей монографии он не только дает прекрасный обзор подходов к определению неформальных институтов, но и сопрягает, например, такие понятия как «неформальные» институты» и культура: «все институты как запланированные или спонтанные результаты человеческой деятельности представляют собой культурные феномены, т.е. являются частью культуры» [16, с. 86]. Таким образом неформальные институты являются частью культуры и проявляют себя как ее отдельные части. Однако, по словам В.Л. Тамбовцева, неправильным будет отождествлять культуру и неформальные институты как часто происходит в научных публикациях.

Главным достижением институциональной теории в вопросе описания действия культуры в экономике можно считать, на наш взгляд, открытие данной закономерности: если формальные правила и законы противоречат неформальным институтам, то вступая в своеобразный клинч с неформальными правилами, формальные институты, законы и правила поведения обнаруживают свою низкую действенность.

В методологическом плане институциональная теория значительно отличается от исторической школы, прежде всего, выработкой универсальных принципов и исследовательских положений. Речь идет о методологическом индивидуализме, а также предположении об ограниченной рациональности и оппортунистическом поведении человека. Не случайно, именно на базе исследовательской программы институциональной экономической теории, уделяющей большое внимание социальным факторам экономического, возникло отдельное самостоятельное направление в экономической науке, получившее название *cultural economics*, или социокультурная экономика. Школа социокультурной экономики в отличие от новой ин-

ституциональной экономической теории начала оперировать эмпирическими данными о ценностях и поведенческих установках и встраивать полученные знания в концепцию культуры в экономике. Благодаря использованию богатого социологического материала по измерению культуры и теоретическим изысканиям удалось концептуально увидеть культуру как важнейший фактор экономического развития.

А.А. Аузан и Е.Н. Никишина предлагают рассмотреть пять тезисов, описывающих социокультурную экономику:

1. Существуют экономические явления, которые не удастся объяснить другими факторами, кроме культурных.

2. С точки зрения теории неформальных институтов культура — это ценности и поведенческие установки, разделяемые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени.

3. Культура влияет на экономическое развитие, но не детерминирует его. Воздействие культуры устойчиво во времени, но связано с другими факторами.

4. Культура может тормозить или стимулировать экономическое развитие через структуру и уровень транзакционных издержек. Возникновение прироста вследствие снижения транзакционных издержек позволяет трактовать совокупность социокультурных факторов как социальный и культурный капитал.

5. Использование влияния культуры на экономику возможно также и через изменение структуры социального и культурного капитала посредством прежде всего образования [4, с. 8].

Как мы видим, полученные тезисы перекликаются с выводами о роли культуры в экономике, сделанными представителями исторической школы, и оперируют некоторыми терминами новой институциональной экономической теории, такими как, например, транзакционные издержки. Но при этом культура становится цен-

тральным звеном объяснительных моделей социокультурной экономики в отличие от других направлений.

Что нам дает понимание того, что культура есть один из важнейших факторов экономического развития?

Во-первых, при проведении оперативных действий в экономике, к примеру, в период кризиса, государству стоит учитывать культурный фактор при принятии решений, чтобы не встретить обратную реакцию от своих действий.

Во-вторых, вопрос модернизации по сути лежит в плоскости культурной проблемы. Если государство хочет реализовать модернизационную повестку, ему нужно подбирать способы организации хозяйства, близкие к культурному профилю страны. Так для Китая больше подойдут коллективистские формы организации хозяйства, а для США индивидуалистские.

Подводя итог всему вышесказанному, можно резюмировать тем, что изучение проявлений культуры в экономике может дать многое как для экономической теории, так и для реального решения экономических проблем.

Список использованной литературы

1. Culture Matters: How Values Shape Human Progress / ed. L.E. Harrison, S.P. Huntington. — New York : Basic, 2000. — 348 p.
2. Horie Y. The Problem of the Modernization of Japan / Y. Horie // Kyoto University Economic Review. — 1956. — Vol. 26, no. 1. — P. 1-12.
3. Kwon O.Y. Does Culture Matter for Economic Development in Korea / O.Y. Kwon // The Journal of East Asian Affairs. — 2011. — Vol. 25, no. 2. — P. 163-182.
4. Аузан А.А. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика на культуру : курс лекций / А.А. Аузан, Е.Н. Никишина. — Москва : Эконом. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. — 200 с.
5. List F. Das Nationale System der Politischen Oeconomie / F. List. — Stuttgart : J.G. Cotta, 1841. — 589 s.
6. Roscher W. System der Volkswirtschaft / W. Roscher. — Stuttgart : Cotta, 1861. — 596 s.

7. Knies K. Die Politische Oekonomie vom Standpunkte der Geschichtlichen Methode / K. Knies. — Braunschweig : C.S. Schwetschke und Sohn, 1853. — 355 s.

8. Schmoller G. Die Volkswirtschaft, die Volkswirtschaftslehre und ihre Methode / G. Schmoller. — Frankfurt (Main), 1893. — 107 s.

9. Bücher K. Die Entstehung der Volkswirtschaft. Sechs Vorträge / K. Bücher. — Tübingen : Verlag Der H Laupp'schen Buchhandlung, 1893. — 304 s.

10. Озеров И.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века / И.Х. Озеров. — Москва : Д.С. Горшков, 1905. — XII, 259 с.

11. Weber M. Die Protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus / M. Veber // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. — 1904. — Bd. 20, heft 1. — S. 1-54.

12. Sombart W. Die Juden und das Wirtschaftsleben / W. Sombart. — Leipzig : Duncker & Humblot, 1911. — 476 s.

13. Veblen T. The Theory of the Leisure Class ; An Economic Study of Institutions / T. Veblen. — New York ; London : The Macmillan Company, 1912. — 404 p.

14. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — Москва : Начала, 1997. — 180 с. — EDN YQDVYE.

15. Аузан А.А. Долгосрочная экономическая динамика : роль неформальных институтов / А.А. Аузан, Е.Н. Никишина. — EDN RPYINH // Журнал экономической теории. — 2013. — № 3. — С. 48-57.

16. Тамбовцев В.Л. Экономическая теория неформальных институтов / В.Л. Тамбовцев. — Москва : РГ-Пресс, 2014. — 173 с.

References

1. Harrison L.E., Huntington S.P. (eds). *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York, Basic, 2000. — 348 p

2. Horie Y. The Problem of the Modernization of Japan. *Kyoto University Economic Review*, 1956, vol. 26, no. 1, pp. 1-12.

3. Kwon O.Y. Does Culture Matter for Economic Development in Korea. *The Journal of East Asian Affairs*, 2011, vol. 25, no. 2, pp. 163-182.

4. Auzan A.A., Nikishina E.N. *Sociocultural Economy: How Culture Influences Economy, and Economy Influences Culture*. Lomonosov Moscow State University Publ., 2021. 200 p.

5. List F. *Das Nationale System der Politischen Oeconomie*. Stuttgart, J.G. Cotta, 1841. 589 s.

6. Roscher W. *System der Volkswirtschaft*. Stuttgart, Cotta, 1861. 596 s.
7. Knies K. *Die Politische Oekonomie vom Standpunkte der Geschichtlichen Methode*. Braunschweig, C.S. Schwetschke und Sohn, 1853. 355 s.
8. Schmoller G. *Die Volkswirtschaft, die Volkswirtschaftslehre und ihre Methode*. Frankfurt (Main), 1893. 107 s.
9. Bücher K. *Die Entstehung der Volkswirtschaft. Sechs Vorträge*. Tübingen, Verlag Der H Laupp'schen Buchhandlung, 1893. 304 s.
10. Ozerov I.Kh. *Economic Russia and its Fiscal Policies at the End of XIX and the Beginning of XX Centuries*. Moscow, D.S. Gorshkov Publ., 1905. XII, 259 c.
11. Weber M. Die Protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 1904. — Bd. 20, heft 1. — S. 1–54.
12. Sombart W. *Die Juden und das Wirtschaftsleben*. Leipzig, Duncker & Humblot, 1911. 476 s.
13. Veblen T. *The Theory of the Leisure Class ; An Economic Study of Institutions*. New York, London, The Macmillan Company, 1912. 404 p.
14. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press, 1990. 152 p. (Russ. ed.: North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow, Nachala Publ., 1997. 180 p. EDN: YQDVYE).
15. Auzan A.A., Nikishina E.N. Economic Dynamics in the Long Run: the Role of Informal Institutions. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Journal of Economic Theory*, 2013, no. 3, pp. 48–57. (In Russian). EDN: RPYINH.
16. Tambovtsev V.L. *Economics of Informal Institutions*. Moscow, RG-Press Publ., 2014. 173 p.

Информация об авторах

Казанцев Юрий Юрьевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, научно-исследовательская лаборатория «Экономического анализа и экономической политики», Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: kazantsev-yy@ranepa.ru. 0000-0001-7402-7845; SPIN-код: 2611-3338; AuthorID: 334582; WoS ResearcherID: GPF-8284-2022.

Заикин Николай Николаевич — кандидат экономических наук, заведующий, научно-исследовательская ла-

боратория «Экономического анализа и экономической политики», Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: zaikin-nn@ranepa.ru. 0000-0002-7579-8462; SPIN-код: 4696-1211; AuthorID: 754243; WoS ResearcherID: GLR-4394-2022.

Authors

Yuri Yu. Kazantsev — Ph.D. in Economics, Leading Researcher, Research Laboratory ‘Economic Analysis and Economic Policy’, Siberian Institute of Management — Branch of RANEPa, Novosibirsk, the Russian Federation; e-mail: kazantsev-yy@ranepa.ru. 0000-0001-7402-7845; SPIN-Code: 2611-3338; AuthorID: 334582; WoS ResearcherID: GPF-8284-2022.

Nikolay N. Zaikin — Ph.D. in Economics, Head of Research Laboratory ‘Economic Analysis and Economic Policy’, Siberian Institute of Management — Branch of RANEPa, Novosibirsk, the Russian Federation; e-mail: zaikin-nn@ranepa.ru. 0000-0002-7579-8462; SPIN-Code: 4696-1211; AuthorID: 754243; WoS ResearcherID: GLR-4394-2022.

Для цитирования

Казанцев Ю.Ю. Социокультурные факторы экономического развития: проблемы истории и теории / Ю.Ю. Казанцев, Н.Н. Заикин. — DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(3).481-507 // Историко-экономические исследования. — 2022. — Т. 23, № 3. — С. 481–507.

For Citation

Kazantsev Yu.Yu., Zaikin N.N. Sociocultural Factors in Economic Development: Problems of History and Theory. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2022, vol. 23, no. 3, pp. 481–507. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2022.23(3).481-507.